

ИЗ КНИГ Э.Г. КАРХУ

РУССКО-ФИНСКИЕ
ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

ИЗ КНИГ Э.Г. КАРХУ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

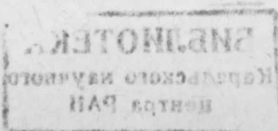
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ
им. Н. К. ЧЕРКАСОВА

ХЕЛЬСИНКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

РУССКО-ФИНСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Сборник научных трудов

Ленинград
1989



155168K
K 155168K
Сборник составлен совместно с Университетом Хельсинки и включает многие аспекты культурного сотрудничества наших стран: деятельность финского режиссера Э. Калимы, петербургские гастроли Иды Аалберг, финскую тему в русской литературе и музыке, воспоминания советских режиссеров Г. А. Товстоногова, А. В. Эфроса, Р. С. Агамирзяна о работе над русскими и советскими пьесами в театрах Финляндии и финского режиссера Д. Витikka над пьесой Х. Вуолийоки «Молодая хозяйка Нискавуори» в АБДТ им. М. Горького в Ленинграде.

Редколлегия:

А. Я. Альтшуллер (ответственный редактор),

Л. Бюклинг,

Л. С. Данилова,

Т. Тиусанен

Рецензент — доктор искусствоведения *И. В. Ступников*

155168K

© ЛГИТМиК, 1989



ТВОРЧЕСТВО ХЕЛЛЫ ВУОЛИЙОКИ В СВЕТЕ РУССКИХ ВЛИЯНИЙ

В истории финской драматургии XX в. видное место занимает Хелла Вуолийоки (1886—1954), писательница с ярким гражданским темпераментом. Из двух десятков ее пьес, написанных в основном в 30—40-е годы, многие прочно вошли в репертуар финских театров, а некоторые с успехом ставились на зарубежной сцене, в том числе в Советском Союзе. Вуолийоки является также автором ряда прозаических и мемуарных книг, в которых запечатлелась ее богатая событиями жизнь, ее многогранная общественная деятельность, направленная на укрепление мира и добрососедских отношений между финским и советским народами.

По своим истокам и содержанию творчество Хеллы Вуолийоки глубоко интернационально, чему отчасти способствовали обстоятельства ее биографии. Эстонка по национальности, она с юных лет соединила свою судьбу с Финляндией, ставшей ее второй родиной. Первоначально она писала на эстонском, затем на финском языке; эстонские сюжеты постепенно сменялись финскими. Эстонская и финская литература были для нее родными, она опиралась на традиции той и другой одновременно. Надо сказать, что Вуолийоки вообще обладала незаурядной литературной и общей культурой, в том числе языковой. Она читала, говорила и писала письма на семи языках, включая русский (в студенческие годы, вспоминала Вуолийоки, русский язык был для нее главным посредником при знакомстве с мировой литературой, русские издания мировой классики были самыми доступными по цене). Знание языков, частые поездки в разные страны, в том числе в СССР, личные связи с выдающимися зарубежными писателями, театральными и общественными деятелями — все это обогащало ее знакомство с мировой культурой, расширяло ее творческий диапазон.

Особую роль в формировании мировоззрения и таланта Хеллы Вуолийоки, начиная с самого раннего периода, сыграла русская литература и русская общественная мысль — главным образом революционно-демократического и марксистского на-

правлений. В более широком плане это было воздействие мощного революционного процесса в России, который получил всемирно-историческое значение; он отозвался также в Эстонии и Финляндии (непосредственно входивших в Российскую империю). Современница трех русских революций, революционных событий 1905—1907 гг. в Эстонии и Финляндии, финской рабочей революции 1918 г., Вуолийоки глубоко восприняла их, они стали для нее личным опытом и переживанием, активным фоном ее творчества.

Хелла Вуолийоки (по девичьей фамилии, Муррик) родилась в Вильяндском уезде, в южной Эстонии, традиционно считавшейся эстонской житницей. Впоследствии Вильянди будет ассоциироваться в сознании Вуолийоки с финской губернией Хяме — столь же исконной земледельческой областью Финляндии (к тому же родом из Хяме был Суло Вуолийоки, муж Хеллы). Родители Хеллы земледельческим трудом уже не занимались, но родословная была крестьянской.

В 1891 г. семейство Мурриков переселилось в пограничный с Латвией городок Валгу, и здесь Хелла начала учиться в местной школе. Потом была учеба в Пушкинской женской гимназии в городе Тарту, после окончания которой Хелла поступила осенью 1904 г. в Хельсинкский университет. С этого момента начался финляндский период ее жизни. В университете она слушала лекции по истории, фольклору, русскому языку и словесности. В 1908 г. она вышла замуж за Суло Вуолийоки, с которым вместе училась. Он был на пять лет старше ее, в студенческой среде слыл одним из активистов социал-демократической партии, от которой его на выборах 1907 г. избрали депутатом финляндского парламента.

Студенческие годы Хеллы Вуолийоки совпали с революционными событиями 1905—1907 гг. в России, Финляндии и Эстонии. Эти события, всколыхнув все финское общество, активизировали также передовое студенчество. В социал-демократическое студенческое объединение входила тогда и Хелла Вуолийоки; она печаталась в «Социалистическом журнале», в рабочей газете «Тюэмиес».

Много лет спустя, томясь во время второй мировой войны в финской тюрьме, Хелла Вуолийоки в мемуарных книгах «Школьницей в Тарту» и «Студенческие годы в Хельсинки» (1945) подробно рассказала, под каким влиянием идей, событий, лиц она оказывалась в самом начале века. Через личное общение с русскими революционерами Вуолийоки впервые основательно познакомилась с марксизмом.

В период ноябрьской стачки 1905 г. Вуолийоки помогала финским красногвардейцам, и примерно тогда же у нее установились личные контакты с некоторыми из находившихся в Финляндии русскими революционерами, членами боевой группы, которая была создана большевистской фракцией РСДРП.

Для юной Вуолийоки не существовало вопроса, сотрудничать или не сотрудничать с большевиками. «Было столь самоочевидным, — вспоминала она, — что я должна была помогать тем, кто боролся во имя ниспровержения самодержавия и средневековых порядков. Вопреки страданиям, все должны были помогать, ибо это был единственный путь к освобождению и Эстонии, и Финляндии, и России»¹.

В числе русских знакомых Вуолийоки были большевики В. М. Смирнов, Н. Е. Буренин, Н. М. Федоровский. С некоторыми из них, например, с Бурениным, она переписывалась потом долго, вплоть до середины 30-х гг. Общению помогало знание языков. Вуолийоки стала получать поручения по посредничеству между финскими и русскими политическими организациями. В частности, в декабре 1905 г. она встречала и сопровождала к месту назначения некоторых делегатов Таммерфорской конференции РСДРП. Она была вхожа в квартиру В. М. Смирнова, на которой нелегально жил В. И. Ленин. Позднее, по воспоминаниям Вуолийоки, на ее собственной квартире временно хранилось собрание книг В. И. Ленина, которыми он пользовался, находясь в Финляндии, и которые потом были отправлены к нему в Швейцарию.

Особое место в биографии Вуолийоки на этом раннем этапе занял человек из числа русских большевиков, которого она в своих мемуарах называет Анатолием (как указывают исследователи, это была партийная кличка Д. Триллисера). Мемуары, равно как и сохранившаяся переписка от периода 1905—1907 гг., свидетельствуют о том, что между Хеллой и Анатолием установились близкие отношения, вылившиеся в пылкую любовь. Общение много значило также в духовном, мировоззренческом развитии Вуолийоки, о чем она потом вспоминала с глубокой благодарностью. «Лишь с годами для меня стало ясно, — писала она, — чем я обязана Анатолию... Он научил меня видеть жизнь в общественном ракурсе, понимать ее как социальную действительность. Примером собственной жизни он преподал мне нагляднейший урок человеческого благородства, жертвенности и добра. Он приучил меня к систематическому труду, к чтению с карандашом и тетрадкой в руке, без робости перед любыми проблемами. Он задал мне такую учебную программу, какой в ту пору не мог задать ни один университет — за исключением русских тюрем, в которых руководители новой России получили в свое время основательнейшее образование»².

Как свидетельство серьезности идейно-литературных интересов юной Вуолийоки, весьма показательна сохранившаяся ее письмо к Анатолию от 2 января 1907 г. Она жила тогда у родителей в эстонском городке Валга и просила привезти ей необходимые для литературных занятий русские книги и периодику. Она просила «новые брошюры Плеханова и Ленина, но-

вые журналы, партийную литературу, которую ни здесь, ни в Юрьеве вовсе нельзя получить». В Юрьеве (Тарту) она искала «во всех библиотеках Писарева, Добролюбова и Чернышевского, везде все взято и абонировано надолго вперед. Я была бы очень благодарна, если бы ты мне мог их где-нибудь, хоть из библиотеки какой-нибудь взять». «Потом еще Решетникова «Подлиповцы» и Успенского «Власть земли». Потом знаешь ли какие-нибудь материалы о 60-х годах, потом о славянофилах, их публицистике и т. д. Я страшно заинтересовалась 60-ми годами, без ума от Помяловского, хочу что-нибудь писать о нем».³

Этот зафиксированный в письме интерес Вуолийоки к русским писателям-шестидесятиникам, к революционно-демократической и народнической литературе, в том числе к специфическому вопросу о «власти земли», бросает дополнительный свет на ее собственное художественное творчество, в котором столь важное место занимает исследование социальной психологии крестьян-собственников. Для Вуолийоки проблематика русской литературы и общественной мысли второй половины XIX в. не была только историей, но имела свое современное продолжение. В мелкобуржуазно-крестьянских по преимуществу странах, какими оставались и Финляндия и Эстония, аграрная проблема получила особую актуальность именно в начале XX в. накануне социальных революций, которые в свою очередь чрезвычайно ускорили процессы классового расслоения деревни. В Эстонии в 1905 г. вспыхнули крестьянские волнения, жестоко подавленные царскими войсками при поддержке местных прибалтийско-немецких помещиков. Посетив Эстонию зимой 1905—1906 гг., Вуолийоки стала свидетельницей этих кровавых событий, а впоследствии посвятила им пьесу «Пылающая земля» (1933).

В Финляндии в начале века политическую остроту приобрел «торппарский вопрос»; безземельные торппари-арендаторы стали объединяться и вести организованную борьбу за свои права. В связи с развитием социал-демократического движения злободневным стал вопрос об отношении торппарей и вообще крестьянства к социализму. Между прочим, в дискуссиях по этому вопросу участвовал и Суло Вуолийоки.

Для Хеллы Вуолийоки все это было непосредственной жизнью, совершенно конкретными ее проявлениями; общаясь с родней мужа и с соседями, она вникала в образ мышления, в психологию, в речь финских земледельцев из губернии Хяме, где потом будут «прописаны» герои многих ее пьес. Ведь Финляндия была на первых порах для нее еще новой страной, нужно было наблюдать и наблюдать, чтобы составить о ней представление, тем более чтобы писать о ней.

Как указывала сама Вуолийоки, чрезвычайно важным для нее было усвоить исторический взгляд на социальную действи-

тельность, на литературу, искусство, всю духовную культуру. И знакомство с историческим материализмом стало для нее радостным личным открытием, совершенно по-новому представил перед ней мир. Она вспоминала об огромном впечатлении от «Анти-Дюринга» Энгельса, этой «книги из всех книг».

В 1907—1908 гг. начинается первый этап творческой активности Вуолийоки. Она печатала в рабочих изданиях литературно-критические рецензии и статьи, рассказы, выступала с художественными переводами. В 1908 г. в социал-демократическом издательстве вышла в ее переводе пьеса Леонида Андреева «Царь-Голод», в следующем году — повесть М. Горького «Исповедь» с пространным предисловием переводчицы. Предисловие интересно как одна из первых в финской критике попыток обозреть творчество Горького с точки зрения социал-демократического движения.

Как известно, в «Исповеди» проявились «богостроительские» заблуждения Горького, на философскую и политическую сущность которых указывал В. И. Ленин в беседах и переписке с писателем. Определенную дань этим заблуждениям заплатила и Вуолийоки в своем предисловии. Она довольно решительно отвергала религию как идеологию покорности и смирения, но само тяготение масс к социализму приравнивалось в предисловии к религиозному чувству. К «богоискательству» героя повести и к конечному итогу его исканий — уподоблению народа богу — автор предисловия относилась весьма сочувственно. Но отметить только это значило бы пройти мимо того главного, в чем заключалась новизна точки зрения Вуолийоки на Горького в тогдашней финской критике. Упомянем, что сам Горький подчеркивал впоследствии, что в «Исповеди» ему «нужно было показать, какими путями человек может прийти от индивидуализма к коллективистскому пониманию мира»⁴. Эта же идея, чрезвычайно актуальная для финской литературы той поры, являлась центральной и в предисловии Вуолийоки. Повесть Горького была воспринята ею как книга о путях прихода представителей мелкобуржуазных, непролетарских слоев — крестьянства, интеллигенции (большой частью тоже выходцев из деревни) — к качественно новому идеалу человеческой общности, к социализму. Этот социализм еще не был свободен от утопических черт, присущих, впрочем, и самим непролетарским массам, впервые знакомившимся с социалистическими идеями. Свой анализ горьковской повести Вуолийоки связывала именно с общественными процессами в Финляндии, где в этот период началось широкое распространение социалистических идей среди сельской бедноты. Основной целью предисловия была как раз социал-демократическая ориентация финских читателей, Вуолийоки стремилась развеять те страхи перед социализмом и рабочей партией, которые были живучи среди крестьянских масс и интеллигенции.

Еще в 1906 г. Вуолийоки участвовала в проводившемся в Эстонии конкурсе пьес. Победителем тогда вышел Август Кицберг, известный эстонский драматург и прозаик, а пьеса Вуолийоки получила поощрительный отзыв жюри. В переработанном виде пьеса под названием «Крестьянские дети» была в 1912 г. опубликована и в следующем году поставлена в театре «Эстония», но после премьеры спектакль был запрещен властями, тираж пьесы конфискован. Такая же участь постигла постановку пьесы и в Финляндии в 1914 г. — настолько злободневным представлялся тогда ее сюжет, связанный с социально-политическим размежеванием деревни. Выходцы из крестьянских семей, представители молодого поколения оказываются разделенными социально-политическим водоразделом. Одни мыслят себе дальнейшее развитие общества, всей национальной жизни и национальной культуры только на «крестьянской основе», в них говорит инстинкт мелкого собственника, они более всего дорожат наследственным земельным владением и чувством хозяина. Другие же тяготеют к новым принципам человеческой солидарности, к новой морали, к новым основам общественного устройства; им известна жизнь рабочей среды, близки идеалы и борьба рабочего класса. Героиня пьесы Марианна, обретшая это новое чувство солидарности, говорит своему оппоненту: «Ты, Петр, смотришь на мир глазами сытых и довольных теперешними порядками в мире... В твоих жилах течет застарелая, полузастывшая крестьянская кровь, кровь собственника, цепляющегося за свое земельное владение... Тебе по душе эта жизнь, ее застой — ты и культуру хочешь воздвигнуть на крестьянско-собственнических устоях. А я ненавижу эти устои, ненавижу то, что и во мне самой течет та же кровь, живы инстинкты выскочки, которому жаль расставаться с однажды приобретенным добром...»

Здесь, в этой ранней пьесе, уже наметилась основная социально-психологическая коллизия, которая будет усиленно разрабатываться Вуолийоки в дальнейшем.

В 1914 г. Вуолийоки опубликовала на эстонском языке роман «Люди во мгле» и поэму «Военная песня», основанную на эстонских народных песнях. А затем в ее творчестве наступил длительный перерыв — вплоть до начала 30-х гг.

Надо сказать, что в сложной жизни и в самой натуре Вуолийоки сочетались весьма неоднозначные и даже, казалось бы, трудно совместимые увлечения и интересы. В годы первой мировой войны она — несколько неожиданно для себя самой — занялась коммерцией, причем весьма успешно, что позволило ей вскорости приобрести солидное состояние. Потом она перешла в индустрию и в 1923—1931 гг. управляла крупной лесопромышленной, затем нефтяной компанией. Упомянем, что у Вуолийоки были длительные деловые контакты также с советскими внешнеторговыми организациями. В част-

ности, в 1922 г. она приезжала в Берлин для деловой встречи с Л. Б. Красиным, наркомом внешней торговли. В этот же приезд Вуолийоки встретила с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой на их берлинской квартире, присутствовала на многолюдном обеде у Горького вместе с только что возвратившимся с Генуэзской конференции Г. В. Чичериным, Л. Б. Красиным, М. М. Литвиновым. Из писателей Вуолийоки встречалась также с А. Н. Толстым. В 20—30-е гг. она совершала деловые поездки в Советский Союз.

Однако в сфере коммерции, несмотря на удачливость и успех, Вуолийоки все же чувствовала себя, по ее словам, «белой вороной», случайным человеком.

Деятельность в качестве «деловой женщины» не прошла бесследно для последующего литературного творчества Вуолийоки. Когда она в начале 30-х гг. вновь серьезно обратилась к драматургии и стала выпускать пьесу за пьесой, весь накопленный жизненный опыт, включая знание «делового мира», сослужил ей полезную службу. К этому следует добавить, что «деловой период» в биографии Вуолийоки был примечателен еще в одном отношении: у нее установились связи с самыми разными людьми, подчас очень влиятельными, что пригодилось ей впоследствии уже для иных, не связанных с коммерцией целей. В условиях военного и послевоенного времени торговля с иностранными фирмами требовала постоянных сношений с посольствами, министерствами и прочими учреждениями разных стран; в числе знакомых Вуолийоки были дипломаты, политические деятели, журналисты, и через них она стремилась распространить в трудных условиях правдивую информацию о Финляндии. Применительно к периоду 1918—1920 гг. принято говорить о «политическом салоне» Вуолийоки в Хельсинки, да и впоследствии двери ее дома были открыты для представителей общественности, включая левых. Вуолийоки вспоминала: «Мой дом стал местом, где до сведения дипломатов и журналистов доводилась правда о положении в Финляндии, о белом терроре, — правда, которая тогда была запретной под надзором политической полиции. Мой дом считался «опасным местом», на него обрушивались клевета и угрозы. Но я боролась с террором и с тогдашним политическим авантюризмом»⁵.

Все эти годы Вуолийоки поддерживала дружественные отношения с представителями Советского Союза. Среди них были А. М. Коллонтай, И. М. Майский. Вуолийоки писала: «В течение всего периода финской независимости мой дом был одним из тех немногих в Финляндии домов, где принимали советских послов и других представителей. Многие из них стали лучшими моими друзьями. И многие полюбили нашу страну, стремились улучшить наши двусторонние отношения»⁶.

Во время советско-финского военного конфликта 1939—1940 гг. Вуолийоки попыталась использовать свое влияние,

чтобы содействовать началу мирных переговоров; через ее посредство в Стокгольме была организована встреча советского посла в Швеции А. М. Коллонтай с министром иностранных дел Финляндии.

По отношению к финским властям Вуолийоки вела себя независимо, с готовностью оказывала поддержку коммунистам-эмигрантам и левым деятелям культуры, например, Бертольту Брехту и Хелене Вейгель, находившимся в Финляндии по ее приглашению с апреля 1940 г. по май 1941 г. В числе других выдающихся деятелей Брехт выступил потом в защиту Вуолийоки, когда она в 1943 г. была арестована за антивоенную деятельность и когда ей угрожал смертный приговор, замененный потом пожизненным заключением. Книга «Я не была узницей» (1944) родилась как тюремный дневник и была издана сразу же после того, как по условиям перемирия в сентябре 1944 г. писательница вышла на свободу. Она активно включилась в общественную деятельность в рядах Демократического Союза народа Финляндии, была избрана депутатом парламента, в течение ряда лет (1945—1949 гг.) возглавляла финское радио. Одновременно Вуолийоки занималась литературной работой, в частности, закончила цикл пьес об истории одного крестьянского рода Нискавуори, начатый еще в 30-е гг.

Для Вуолийоки-драматурга 30-е гг. были наиболее плодотворными. За период с 1931 по 1940 гг. она написала одиннадцать пьес, и все они были поставлены в театрах, некоторые экранизированы. Три пьесы были написаны на эстонском материале и на эстонском языке (с последующим изданием двух первых пьес также по-фински): «Министр и коммунист» (1931), «Лидия Койдула» (1932), «Пылающая земля» (1933).

Первой пьесой Вуолийоки на финском языке и финском материале стала драма «Закон и порядок» (1933). Ее постановка вызвала острейшую полемику в финской, отчасти в скандинавской печати. Правые газеты объявили пьесу «красной», спектакль был запрещен, только ценой изменений в тексте театр смог его возобновить (но тогда публика уже утратила к нему прежний интерес). Вообще следует сказать, что в политических условиях 30-х гг. постановка пьес Вуолийоки требовала от театров и от самого автора огромных усилий (причем вынужденные изменения в тексте, подчас без ведома и согласия автора, были тогда нередкостью).

В центре пьесы «Закон и порядок» — события финской революции 1918 г. В образе главной героини Марии, социал-демократки реформистского толка, депутата парламента, показана драма личности, оказавшейся перед необходимостью выбора в острейшем социально-классовом конфликте. Вооруженная схватка двух лагерей рождает этический спор — о гуманистических ценностях, справедливости, милосердии, человеколюбии. Мария сочувствует рабочим, но не одобряет вооруженного на-

сила — ни со стороны белых, ни со стороны красных. Мария доверчива и наивна, но искренняя в своем идеализме, на первых порах не подозревая, что ее знакомые из буржуазных кругов всего лишь спекулируют на ее пацифизме, им нужно выволить из-под ареста своих родственников. После поражения восставших никто из этих «гуманистов» слышать не хочет о милосердии, к мольбам Марии глух даже неравнодушный к ее женскому обаянию сенатор-либерал, еще недавно напоминавший о «человеколюбии», а теперь оправдывающий кровавый террор контрреволюции, жестокий белогвардейский «закон и порядок». В отчаянии и гневe Мария говорит сенатору, что разделительным барьером между ними стали массовые расстрелы, и в финале пьесы она идет к тем, кого расстреливают и кого сенатор считает «преступниками».

В том же 1933 г. Вуолийоки написала первую пьесу из цикла о Нискавуори — «Женщины Нискавуори». Поставить пьесу удалось лишь в 1936 г., причем Вуолийоки на этот раз прибегла к мужскому псевдониму — Юхани Тервапя, с целью ввести в заблуждение правую критику (под этим псевдонимом увидели свет и многие последующие ее произведения). Постановка «Женщин Нискавуори» имела огромный успех, за пьесу ухватились многие финские театры, и Вуолийоки не без удовлетворения вспоминала, что даже в финансовом отношении пьеса оказалась для них весьма хорошей находкой. Пьесой заинтересовались зарубежные театры. В 30-е гг. она была поставлена в Таллине, Варшаве, Лондоне, Стокгольме, Осло, Праге, Гамбурге, Копенгагене, Загребе; в 1941 г. в Будапеште, в 1947 г. в Париже. В советских театрах (начиная с середины 50-х гг.) пьеса шла под названием «Каменное гнездо»; одну из наиболее интересных ее постановок осуществил московский Малый театр, где в главной роли хозяйки Нискавуори выступила выдающаяся советская актриса В. Н. Пашенная.

Первоначально у Вуолийоки не было намерения писать целый цикл пьес, но сценический успех «Женщин Нискавуори» побудил ее продолжить тему. Так появились пьесы «Хлеб Нискавуори» (1938), «Молодая хозяйка Нискавуори» (1940) и уже после второй мировой войны «Хета Нискавуори» (1950) и «Что же теперь, Нискавуори?» (1953). По проблематике близка к названным произведениям пьеса «Юстина» (1937), хотя непосредственно в цикл пьес о Нискавуори она не входит.

Этими пьесами Вуолийоки — не будучи от рождения финкой — очень естественно «подключилась» к традиционной для финской литературы крестьянской тематике. И даже то, что ее герои были из Хяме, вполне укладывалось в традицию, ведь из Хяме были еще герои А. Киви, затем Ф. Э. Силланпя и ряда других писателей.

У исследователей возникал вопрос: почему писательница, известная своими устойчивыми симпатиями к социализму, тя-

готением к марксистскому мировоззрению, все-таки сосредоточилась на крестьянской тематике, изображала психологию мелких собственников? Причем особое внимание обращается на то, что отношение Вуолийоки к крестьянскому укладу жизни с годами становилось даже более «компромиссным», не столь однозначно отрицательным, как в пору ее молодости. Если в «Крестьянских детях», первой своей пьесе, Вуолийоки устами юной Марианны еще выражала и свое собственное категорическое неприятие «власти земли», то в пьесах 30-х гг. такой категоричности уже нет и, например, образ Ловийсы, хозяйки «каменного гнезда» и хранительницы традиционных крестьянских устоев, вовсе не однозначен.

Мировоззрению Вуолийоки были присущи противоречия и моменты идейной компромиссности — это признавалось ею самой. Однако следует уяснить себе и то, что сам по себе интерес к крестьянской тематике еще не заключал в себе ничего идейно «ущербного». Наряду с влиянием давней литературной традиции в финских условиях 30—40-х гг. была насущная общественная необходимость разрабатывать крестьянскую тематику — Финляндия все еще оставалась по преимуществу аграрной страной.

Полезно иметь в виду следующие статистические ориентиры: в начале XX в., когда Вуолийоки делала первые шаги в литературе, примерно три четверти населения Финляндии было занято в сельском хозяйстве; к началу 50-х гг. еще около половины; далее, начиная с 60-х гг., процессы индустриализации и урбанизации стали особенно интенсивными, и в настоящее время, в середине 80-х гг., доля занятого в сельском хозяйстве населения не превышает 8—10 процентов. Сдвиги динамические, и литература, естественно, отражала их. Исторический подход к проблеме наблюдается и в пьесах Вуолийоки.

В цикле пьес о Нискавуори история одного крестьянского рода предстает в хронологической протяженности — от 1880-х годов до исхода второй мировой войны. Когда цикл был закончен, Вуолийоки в статье «Прощание с Нискавуори» (1953) вспоминала, что после первой пьесы, в которой центральный характер Ловийсы представлен уже вполне сложившимся, у нее как автора появилась потребность вникнуть в саму историю характера, подробно исследовать, откуда он мог возникнуть, в результате каких общественно-исторических и житейских обстоятельств, — так была со временем написана «Молодая хозяйка Нискавуори», пьеса об исходной драме Ловийсы.

Цикл из пяти пьес о Нискавуори — это художественное исследование сословно-крестьянской психологии в специфически финском ее варианте, с учетом того, что в Финляндии эта психология формировалась в условиях длительного (многовекового) существования наследственного крестьянского землевла-

дения и сословия свободных крестьян-собственников. В пьесах Вуолийоки упоминаются крестьянские усадьбы, в которых до ста и более коров, десятки и даже сотни гектаров пахотной земли и леса (в Финляндии сельское и лесное хозяйство были традиционно взаимосвязаны). У владельцев таких усадеб чрезвычайно развито чувство наследственной родовой собственности, чувство крестьянской родословной; поля и луга возделывались трудами многих поколений, каменные ограды вокруг полей воспринимались как овеществленная история рода, как олицетворение преемственности между живыми и ушедшими. Наследственная усадьба становилась для ее обитателей как бы центром мира, ее «надличные» интересы и благополучие — превыше отдельной человеческой судьбы. Бунтарствующий Аарне, сын Ловийсы, иронически говорит о «государстве Нискавуори», ради которого он идет на войну и потом гибнет на ней. Из числа владельцев таких наследственных усадеб обычно выбирались крестьянские депутаты в сословный сейм и затем в реформированный парламент, из их среды выходили политические деятели, вплоть до президентов страны. В цикле пьес о Нискавуори депутатом сейма является муж Ловийсы Юхани, а один из ее сыновей становится со временем министром правительства.

В пьесах Вуолийоки акцент делается на том, как среда и обычаи формируют характеры людей. Наиболее многосторонне исследуется характер Ловийсы, сильной, властной, по-своему мудрой женщины с резко очерченной индивидуальностью. В молодости Ловийса пережила свое несчастье, наложившее отпечаток на ее судьбу: Юхани Нискавуори, которого она любила, женился на ней по расчету, из-за денег, которые нужны были ему для выплаты откупных другим наследникам. Так уж было заведено, с этим смирились, и родная мать говорит Ловийсе накануне сватовства горькую правду: «Деньги твои он придет сватать». После замужества Ловийсу ждет другое потрясение, она узнает о тайной связи Юхани с хорошенькой служанкой Мальвиной, которая родила ему сына и которую он продолжает любить. Однако сильнее в этой ситуации, несмотря на свое унижение, оказывается Ловийса, к ней переходит инициатива и в практических делах, Юхани не может обойтись без ее поддержки. В беседе с Ловийсой мать Юхани раскрывает перед смертью свою тайну: некогда ее тоже взяли в Нискавуори из-за денег, муж был слабохарактерным, ей предстояло твердой рукой направлять дела усадьбы, служить семье и роду, и такая же роль приуготовлена теперь Ловийсе. Семейный союз молодых получает сугубо деловую основу, и ожесточившаяся сердцем Ловийса помогает мужу с практической сметкой и расторопностью. Но последняя реплика Ловийсы (в пьесе «Молодая хозяйка Нискавуори») звучит как мольба и сокровенная надежда: «Небо, одари и меня любовью, одари!..».

Как выясняется впоследствии, Юхани не выдерживает насилия над своим чувством и спивается (это же произошло ранее с его отцом). Сильная Ловийса становится единовластной хозяйкой Нискавуори, пора смирения для нее кончилась. В пьесе «Женщины Нискавуори» (в которой действие происходит примерно 40—50 лет спустя) Ловийса уже мать взрослых детей, хочет управлять их судьбами по тем же «нормам», которые не принесли счастья ей самой. Ее сын Аарне, по образованию агроном, должен стать наследником усадьбы; у него семья, дети, но брак его был заключен по меркантильным соображениям, вполне в духе стародавних обычаев; теперь в его жизнь вошла другая женщина, учительница Илона, которую он по-настоящему любит. Ловийса ревностно следит за развитием их отношений, благо у нее есть служанки-информаторы, к тому же слишком неосторожная запретная связь привлекает внимание местного пастора и других блюстителей нравов, угрожая превратиться в громкий скандал, чего Ловийса никак не хочет. Положение ее затруднительно не только внешне, но и в смысле некоторой внутренней раздвоенности. Как женщина и мать, сердцем желающая счастья сыну, Ловийса временами готова даже посочувствовать его любви, тайно восхититься отвагой эмансипированной Илоны. Однако вслух Ловийса говорит нечто совершенно иное, в практических своих действиях она — преданная хранительница родовой собственности и наследственных интересов. В этой своей функции Ловийса тверда и беспощадна к сыну, воспринимая его любовь только как мимолетное увлечение, которое не может и не должно нарушать заведенного порядка вещей. В споре с Илоной Ловийса преподносит даже собственную незавидную женскую участь как некое «веление судьбы», суровое, но оправданное с точки зрения более высоких и непреходящих целей, чем счастье или несчастье отдельного «я». Когда Илона говорит о праве каждого человека на свободу, справедливость и счастье, Ловийса отвечает иронией, в которой идеалам эмансипированной новой личности противопоставляется все та же традиционная гордость крестьянина-собственника, чувствующего себя хозяином в границах своей усадьбы. «Счастье, — говорит Ловийса, — это когда овес и луговая трава буйно растут после весенних дождей. А свобода и справедливость — это право вышвырнуть за ворота Нискавуори всякого, кто явится сюда без спросу. Все остальное неважно».

Есть в этой сословно-крестьянской гордыне нечто ограниченное и отжившее, цепко опутывающее человека, подобно паутине, — не случайно Аарне в пылу ссоры называет мать «пауком». От решительного шага это уже не может его удержать, он уходит из дома матери и из прежней семьи.

Но, с другой стороны, в гордом и независимом характере Ловийсы есть и нечто возвышающее ее над зауядностями —

над пасторской четой, аптекарем, школьным директором, этими духовно убогими представителями так называемого «церковно-приходского мышления» в Финляндии, отличавшегося крайним консерватизмом. Упомянутые персонажи изображены в пьесах Вуолийоки почти карикатурно. И когда эти «блюстители нравов» хотят устроить судилище над Илоной, Ловийса спешит оградить ее от публичных унижений, в ту минуту она как женщина солидарна с нею. «Нейти Илона, — говорит Ловийса, — идите, садитесь здесь, рядом со мною. Не нужно вам стоять перед этим судилищем».

Как показывает Вуолийоки, сословные предрассудки могли принимать совершенно уродливые формы (например, сатирически сниженный образ тщеславной Мартты, бывшей жены Аарне, в пьесе «Хлеб Нискавуори»). Почти в фарсовой тональности предстает тема сословной гордыни в пьесе «Хета Нискавуори». За неимением более выгодной партии Хета, дочь земельных собственников, вышла замуж за Акусти, доброго и работающего арендатора. Всю жизнь Хета одержима тем, чтобы ее дом предстал «в лучшем виде, чем это есть на самом деле». В период революции 1918 г. Хета чуть ли не силой пытается отправить своего сына в белую гвардию — так делают деревенские богачи; она кровно обижена тем, что ее дома не коснулись реквизиции со стороны красных, — выходит, ее и в этом случае не причислили к имущим. И только смерть Акусти рождает в Хете нечто похожее на чувство запоздалого раскаяния.

Хотя и медленно, время менялось, сословному консерватизму противостояли новые веяния. В пьесах Вуолийоки это прежде всего моральный протест со стороны таких героев, как Илона и Аарне, Юстина и Хульда Юракко, протест против унижающих человеческое достоинство пут и предрассудков. Но это и социальная борьба сельской бедноты за землю и лучшую жизнь (образы батраков и арендаторов в ряде пьес). Это и появление на политической арене новых общественных сил, представителем которых в пьесе «Что же теперь, Нискавуори?» выступает Юхани-младший, коммунист-подпольщик, участник движения Сопротивления во время второй мировой войны и затем член послевоенного левого правительства. В пьесе Юхани-младший нелегально приходит под конец войны в Нискавуори, нуждаясь в приюте и поддержке, и Ловийса помогает ему. Она руководствуется при этом в первую очередь сугубо человеческими мотивами, чувством раскаяния. Юхани оказывается внебрачным сыном собственного мужа Ловийсы и той самой служанки Мальвины, с которой она в свое время обошлась весьма сурово; теперь, на старости лет, Ловийсе хочется как-то искупить свою вину, помочь Юхани. Но есть в ее поведении и своя социально-нравственная мотивировка. Гордой и сильной Ловийсе импонирует то, что и покойная Мальвина была гордой; — правда, это была иная гордость — не собственни-

ка, а бедняка, не преклонившегося перед собственностью. Таким же Мальвина воспитала сына, не принимая никаких подачек от хозяев Нискавуори. Юхани тоже равнодушен к собственности (в порыве раскаяния Ловийса даже готова выделить ему долю наследства, но он отказывается). Ловийсу такой гордый отказ тем более впечатляет, что ее собственное дети, живущие в достатке и достигшие высоких постов, слишком падки на деньги; они готовы ради своих имущественных интересов даже над родной матерью учредить позорную опеку, чтобы юридически лишить ее права распоряжаться наследством. И в отличие от «старомодной» Ловийсы ими движет не традиционная крестьянская забота о цельности наследственной усадьбы — напротив, они хотят поскорее продать ее и поделить между собою деньги. Они превратились в бессердечных дельцов и политиканов чисто буржуазного толка, связь с землей и положительными сторонами крестьянской морали ими уже совершенно утрачена. Примечательно, что удержать их от насилия над матерью пытается не кто иной как Юхани. В характере Ловийсы он видит гораздо больше человеческой порядочности, честности и прямоты, чем в измельчавших характерах ее детей.

Цикл пьес о Нискавуори отражает в этом смысле определенную историческую эволюцию крестьянского сословия, изменение его социальной роли и, если угодно, его морального авторитета в финском обществе. В 80-е гг. прошлого века, к которым относятся события в пьесе «Молодая хозяйка Нискавуори», крестьянство являлось еще в общественно-политическом смысле восходящим классом. На крестьянство тогда опирались демократические общественные движения; многовековые традиции крестьянской культуры питали строящуюся общенациональную культуру — культуру современной финской науки. А в XX в. многое выглядело уже иначе. В период нарастания революционного движения в первые десятилетия XX в. крестьянство, особенно зажиточные его слои, далеко не всегда поддерживали рабочих, и в 20—30-е гг. так называемые «крестьянские марши» инспирировались финскими фашистами-лапуасами, рвавшимися к политической власти, к установлению диктатуры ультраправых.

Уже своим названием — «Что же теперь, Нискавуори?» — последняя пьеса цикла ставила вопрос о путях послевоенного развития финского общества. Прежнему Нискавуори как бастиону — символу аграрного консерватизма приходит конец, умирающая Ловийса понимает это и своими последними распоряжениями относительно раздела усадьбы хочет помочь тем, у кого вовсе не было земли. В финале проявились упования писательницы на слишком полюбовное сотрудничество разных политических партий, но в целом пьеса отражала начавшиеся процессы демократизации послевоенного финского общества.

Драматургия Вуолийоки в художественном отношении продолжала традиции социально-психологического реалистического театра (в западной критике его зачастую именуют «натуралистическим»). Между прочим, приверженность Вуолийоки этим традициям особенно наглядно проявилась в эпизоде ее кратковременного творческого сотрудничества с Бертольтом Брехтом, драматургом совершенно иного направления. В 1940 г. Вуолийоки и гостивший у нее тогда Брехт решили участвовать в объявленном конкурсе и совместно написать пьесу на финский сюжет; в качестве основы Вуолийоки спешно переработала и перевела на немецкий язык одну из своих прежних пьес — «Опилочную принцессу». В процессе дальнейшей совместной работы довольно скоро выяснилось, однако, что брехтовский метод «эпического театра» не во всем согласовывался с творческими принципами Вуолийоки. В итоге все же родилась пьеса, немецкоязычный вариант которой Брехт опубликовал под названием «Господин Пунтила и его слуга Матти», а Вуолийоки дала своему финноязычному варианту (с указанием на соавторство Брехта) название «Хозяин Исо-Хейккиля и его работник Калле».

Подчас Вуолийоки отваживалась на идейно-художественную полемику с известными драматургами. Пьесу «Юстина» она сопроводила предисловием, в котором объяснила, что импульсом к ее написанию послужила пьеса О'Нила «Траур к лицу Электре». После просмотра постановки этой современной американской трагедии и полученного сильного впечатления Вуолийоки, по ее словам, захотелось поспорить с автором и его героиней, выразить свое принципиальное мировоззренческое несогласие. «Не знаю почему, — писала она, — но я была готова крикнуть Электре О'Нила: Не запирай окно и дверей своего дома, распахни их для людей и мира, ибо дом твой не в пустыне, вокруг тебя живые люди, подобно тебе борющиеся за существование. Скорбя по мертвым, живи для живых»⁷. Именно эту позицию стремилась выразить Вуолийоки в собственной пьесе.

Из зарубежных драматургов в поле ее зрения был также Бернард Шоу. А в некоторых эпизодах ее пьес можно уловить ассоциации с Герхартом Гауптманом (например, эпизод, где дети угрожают Ловийсе насильственной опекой, заставляет вспомнить о пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца»).

Особое место в творческой биографии Вуолийоки занимал Горький. Еще в начале века она переводила его и писала о нем, потом встречалась с ним лично, о чем рассказала в мемуарах, а под конец жизни Вуолийоки намеревалась написать более подробные воспоминания о Горьком, чего, к сожалению, не успела сделать.

Как драматург Вуолийоки испытала заметное влияние Горького. Например, уже в самом характере Ловийсы ощутимо

некоторое психологическое родство с горьковской Вассой Железновой. Между прочим, эту внутреннюю «переключку» героинь почувствовали финские режиссеры (в частности, Кайса Корхонен), которым приходилось ставить и пьесы Вуолийоки, и пьесы Горького.

В Финляндии с ликованием встречали Горького в начале века, в период революционных событий 1905 г. Но потом, в начале 20-х гг., финские власти уже отказали писателю в визе для проезда через Финляндию в Берлин, что вызвало у Вуолийоки глубокое возмущение; этого позорного факта она не могла забыть до конца своей жизни. Для того чтобы и в финских условиях 20—30-х гг. быть преданным наследию Горького и ориентироваться на него, нужен был именно гражданский темперамент Вуолийоки, та незаурядность личности, которую не преминула отметить в своей финской знакомой М. Ф. Андреева при встречах и беседах с нею на берлинской квартире Горького в 1922 г. Вскоре после состоявшегося знакомства М. Ф. Андреева писала Вуолийоки: «Очень бы хотела повидаться с Вами. У меня в жизни мало было встреч с женщинами Вашего калибра, и я нашу встречу с Вами страшно ценю»⁸.

Обаянием личности Хеллы Вуолийоки дышит и ее творчество.

¹ *Wuolijoki H.* Yliopistovuodet Helsingissä. Tapiola. 1973. S. 190.

² Там же, с. 191.

³ Письмо хранится в фонде Х. Вуолийоки в архиве «Суомен Валтионархисто» в Хельсинки.

⁴ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1950. Т. 8. С. 504.

⁵ *Lounela P.* Helle Wuolijoki. Porvoo, 1979, s. 62.

⁶ Там же, с. 125.

⁷ *Tervapää J.* Justiina. Jyväskylä, 1937, s. 9.

⁸ Письмо хранится в фонде Х. Вуолийоки в архиве «Суомен Валтионархисто» в Хельсинки.